

Погоня

Еще с полудня, когда солнце сияло в полный накал и на небе не было ни одного облачка, птицы вдруг начали тревожно перекликаться. Ближе к вечеру они, предчувствуя непогоду, попрятались в густой листве деревьев, зарослях кустарника и примолкли. Наступила настороженная предгрозовая тишина. Но только перед закатом солнца туча сумела, наконец, выглянуть одним краем из-за зубцов гор. Вначале совсем медленно, а затем все быстрее и быстрее она поползла вниз по скатам прямо на небольшой кишлак, лежавший у самого входа в долину. В долине потемнело, как будто уже наступила глубокая ночь.

В такие предгрозовые часы в кишлаке всегда еще с вечера запирались ворота и калитки, а люди пораньше укладывались спать. Недолги летние ночи, и в горячее время полевых работ хорошо отдохнуть удастся-только в часы ненастья. Пусть на улице бушует ветер, хлещет проливной дождь, они не помешают усталым людям крепко спать.

Но сегодня в кишлаке никто не сомкнул глаз. Из-за гор шла туча, куда страшнее и беспощаднее той, что сейчас висела над кишлаком. Все знали, что еще с утра пограничная застава за далеким перевалом ведет бой с крупной бандой басмачей. Вооруженные английскими винтовками и шашками, выкованными в английском городе Бирмингеме, на лошадях, купленных за английские деньги, басмачи пытаются переправиться через пограничную реку и овладеть долиной, а оттуда прорваться в ближайший город и поселки молодой восточной республики.

Время стояло тревожное, и во всей горной округе было беспокойно. Прошло не так уж много лет, как закончилась гражданская война и трудовой народ отвоевал себе право быть хозяином родной страны. Сейчас на отобранной у богатеев земле начали организовываться колхозы. Бывшие хозяева не хотели с этим мириться. Народ знал, что феодальная знать, мусульманское духовенство и просто богатеи-кулаки стремятся вернуть старые времена. Вот на помощь бывшим богачам, готовым восстать против Советской власти, и ломились сейчас из-за границы басмачи.

Не устоят пограничники, прорвется банда, и запылают кишлаки, польется кровь, заплачут женщины и осиротевшие дети.

Единственный в кишлаке коммунист, председатель молодого колхоза Даньяр много лет прослужил пограничником, да и сейчас не терял связи с заставой. Даньяр знал, что сил на заставе мало; и борьба там идет, неравная. Знал Даньяр и о том, что на помощь заставе, из областного города уже выступил кавалерийский полк. Но долг и труден путь по ущелью, и успеют ли чекисты на помощь пограничникам?

Еще часа за два до заката солнца Даньяр послал на заставу своего верного помощника, вожака кишлачных комсомольцев Хабиба. Хабиб должен уже вернуться. Он расскажет, как обстоят дела на границе, и привезет указания командира заставы, что делать колхозникам: уходить ли из кишлака и прятаться в горном распадке, или оставаться, спокойно отдыхать, а утром выходить на поля.

В колхозе все были готовы сняться с места. Обширный двор байской усадьбы, совсем недавно ставшей колхозным правлением, был полон людей. Здесь собрались все жители кишлака. Лишь пять-шесть бывших байских семейств не пришли сюда. Они затаились в своих усадьбах и молили аллаха о даровании победы рвущимся через границу своим единомышленникам.

Десятка полтора дехкан, пока еще не решившихся вступить в колхоз, укрылись тоже на колхозном дворе вместе со своими женами и детьми. Угроза басмаческого налета объединила колхозников и единоличников в одну семью.

Костров не зажигали. Несколько фонарей слабо освещали только середину двора и веранду бывшего байского дома. Но и при этом неверном свете можно было рассмотреть, что люди разделились на две неравные группы. На веранде около Даньяра собралось человек восемьдесят, исключительно мужчины. Они останутся здесь, чтобы прикрывать отход в горы

женщин, детей и стариков. А если красноармейцы отступят с заставы, то Данъяр и его товарищи будут вместе с ними драться за родной кишлак, чтобы не пропустить басмачей в долину.

Остальные жители сгуртовались около старого Халмурада. Здесь были те, кого Халмурад должен был увести в горы.

Люди Данъяра были вооружены мултуками* (М у л т у к (уаб.) — старинное ненарезное ружье) и саблями. У седобородых товарищей Халмурада единственное оружие — крепкие арчевые палки. Кое-кто на конце палки укрепил лезвие косы, превратив ее в грозное мужицкое оружие — пику.

«Хабиб вот-вот должен вернуться, — размышлял Данъяр, с тревогой поглядывая в сторону ущелья, — напрасно только разрешил Миртемиру ехать с ним. Ездит, правда, он хорошо. А все-таки не надо было отпускать его с Хабибом, Ночью в горах и взрослому трудно».

— Хабиб с Миртемиром должны скоро подъехать, — словно подслушав мысли председателя, заговорил старый Халмурад, подходя к веранде. — Может, и не придется нам уходить в горы.

— Пока они не вернулись, со двора никому никуда, — встрепенулся Данъяр. — Потом собираться будет некогда.

— В горах, наверное, прошел ливень, — после паузы снова заговорил Халмурад. — А твой сынок только и летнем халате...

Собственно, Миртемир был не сыном, а племянником Данъяра. Отец Миртемира, Керим, погиб в бою с басмачами еще в двадцать третьем году. По обычаям узбекского народа Данъяр заменил отца детям погибшего брата.

— Миртемир еще мальчик, но у него сердце взрослого мужчины, — ответил Данъяр на заботливые слова Халмурада. — Да и сделать сейчас все равно ничего нельзя. Надо ждать.

— Да, надо ждать, — согласился старик. — Как ты думаешь, что нам делать с Умарбеком?

Умарбек был одним из самых зловредных баев, оставшихся в кишлаке. Два его младших брата во время гражданской войны были басмачами в шайке Ибрагимбека и вместе с ним отступили за границу.

— Если Хабиб с Миртемиром привезут плохие вести, Умарбека да и всех других баев придется посадить в пустой амбар под замок. Если при них будет оружие — забрать.

— Правильно, — одобрил Халмурад. — Эти скорпионы обязательно ударят в спину. Если басмачи прорвутся через заставу, им не миновать нашего кишлака. Мост через реку только у нас. В других местах не переправиться: вода высоко поднялась.

— Да, за мост придется драться, его отдавать нельзя, — задумчиво ответил Данъяр. — Меня другое беспокоит: как бы басмачи не обманули пограничников. Вдруг пойдут через Кривое ущелье?

— Что ты! — возразил старик. — Там каждый год бывает по два-три обвала, дорога хуже, чем в аду. Только наш житель найдет путь через Кривое, ущелье.

— Наших-то я и боюсь, — признался Данъяр.

— Наши все здесь. Да и кто пойдет помогать кровавым собакам? — горячо вступился за односельчан Халмурад.

— Байские родичи не с нами, упустили мы время, отец. Надо было еще днем послать своих людей по Зеленому распадку, отрезать дорогу в ущелье.

— Аллах милостлив, — с глубокой верой произнес Халмурад. — Он не допустит. Данъяр ничего не ответил старику. Бывалый конноармеец не рассчитывал на мялость и поддержку аллаха.

Несмотря на многолюдье, в бывшей байской усадьбе стояла тишина. Даже дети не решались плакать, даже ветер притих, словно испугался. Поэтому чье-то особенно чуткое ухо уловило посторонний звук раньше, чем он стал слышен всем.

— Всадники! — крикнул испуганный женский голос. Все замерли, напряженно вслушиваясь. Кто приближается к кишлаку, друзья или враги? С доброй или черной вестью?

— Скачет один всадник,— определил Даньяр через несколько секунд.

Он соскочил с веранды и в сопровождении десятка мужчин кинулся к воротам. «Что случилось, и с кем — с Хабибом или с Миртемиром? — тревожно думал он. — Почему возвращается только один? И скачет так, будто уходит от погони».

На улице звук ударов копыт был хорошо слышен. Огромным умением и смелостью должен был обладать джигит, чтобы в такую ночь галопом гнать коня по опасной горной дороге. Цокот копыт несущегося бешеным аллюром коня все нарастал. Он звучал, как сигнал тревоги, сигнал приближающейся беды,

— Дайте огня,— приказал Даньяр.

Два фонаря осветили небольшую площадку перед воротами. Еще минута, и на этом пятачке круто осадил взмыленного скакуна Миртемир.

— А где Хабиб? — воскликнул Даньяр, хватая под уздцы горячившегося коня.— Почему ты один?!

Мальчик несколько секунд не отвечал, с трудом переводя дыхание. Только ярко алевающие концы пионерского галстука дрожали на его груди.

— Где Хабиб?— нетерпеливо повторил Даньяр.

— Хабиб обратно поскакал... на заставу,— наконец смог выговорить Миртемир.— Предупредить... Басмачи в Кривом ущелье... Их ведет Ораз, брат Умарбека.

Даньяру очень хотелось тотчас узнать все новости с заставы, но сейчас было не время. Басмачи приближались к кишлаку. Надо было немедленно действовать.

— Рустам,— подозвал он к себе молодого парня в гимнастерке.— Возьми людей и арестуй Умарбека и других баев. Всех мужчин. Женщин и детей не трогай. Дома обыщи. Оружие носи сюда.

Рустам проворно отобрал десятка два надежных парней и отправился выполнять приказание.

— А вы, эта,— сказал председатель Халмураду,— уводите скорее людей. Чем дальше вы уйдете, тем лучше. Нам спокойнее.

— Да поможет вам аллах,— попрощался старик с Даньяром и оставшимися колхозниками.— Бейте кровавых собак-басмачей, а о нас не беспокойтесь, горы нас укроют.

Убедившись, что семьи колхозников и скот потянулись от кишлака в один из ближайших заросших арчевником распадков, Даньяр вернулся к Миртемиру.

А тот, как всякий заправский кавалерист, первым долгом позаботился о коне. Неторопливым шагом он ездил по пятачку около ворот, давая коню остыть. Впрочем, и скакун оказался достоин всадника. Ключья пены не успели высохнуть на его боках, а он уже снова нетерпеливо просил повод, готовый продолжать скачку.

— Миртемир,— окликнул мальчика Даньяр, — что товарищ Васильев велел передать?

Миртемир подъехал к Даньяру и, не слезая с коня, доложил:

— Начальник заставы приказал передать, что басмачи не прорвутся.— Но, не выдержав официального тона, нагнулся к Даньяру и заговорил торопливо и сбивчиво: — Ой, ата! Там, знаешь, какой бой идет! Два пулемета все время стреляют. Один — с вышки, а другой — со скалы! Нас на заставу не пустили. Товарищ Васильев очень беспокоился, не пробрались бы басмачи еще где. Просил нас, когда мы поедем назад, подняться на хребет и посмотреть на Кривое ущелье. Хабибу товарищ Васильев даже свой бинокль отдал! Когда мы ехали обратно, Хабиб два раза взбирался на хребет. На второй раз он рассмотрел, что басмачи идут по Кривому ущелью. Их Ораз ведет.

— Вот шайтан,— выругался Даньяр,— мало его били.

— По ущелью они еле ползут,— добавил Миртемир,

— Много басмачей? — спросил Даньяр.

— Хабиб видел... Говорит, двести человек, не меньше. Пулеметы есть. Их на лошадях везут.

— Куда они повернут? — задумчиво проговорил Даньяр. — К нам, по Зеленому распадку или дальше пойдут, к Старому мазару.

— Хорошо бы к Старому мазару. Оттуда к нам и поворачивать нечего. Далеко очень. Их тогда красноармейцы из города быстро догонят.

— Плохо будет, сынок, если басмачи подойдут к Старому мазару, — покачал головой Даньяр. — Если у Старого мазара не двести, а пятьдесят человек встанут да если будет у них хоть один пулемет, как замком запрут ущелье. Целый полк ничего не сделает с ними. Вся округа в руках басмачей очутится.

Миртемир понял теперь коварный замысел басмачей и растерянно молчал.

— Кавполк подойдет к Старому мазару не раньше, чем к полудню. Басмачи к тому времени хорошо укрепятся, — продолжал Даньяр. — Все чекисты полягут, а не смогут прорваться к нам на помощь.

— Ата! А если их предупредить? Если я поеду...

— Хорошо бы предупредить, — медленно проговорил Даньяр и, неожиданно переходя на шепот, спросил: — А ты, сынок, не побоишься ночью через ущелье ехать?

— Не побоюсь, ата! — так же шепотом ответил Миртемир. — И дорогу я хорошо помню! Хоть и темно, все равно не собьюсь!

— Надо скакать навстречу полку, сынок. Предупредить чекистов. Пусть они хоть небольшую группу с пулеметами вперед вышлют. А то потом большой крови Старый мазар стоять будет. Ты все понял, сынок?

— Все понял, ата, — кивнул Миртемир.

— Конечно, лучше бы послать не тебя, а кого-нибудь из взрослых. Но лошадей уже угнали в распадок. Твой Байчибар сегодня уже много проскакал, взрослого всадника долго не пронесет. Ты-то, как перышко, Байчибар твоей тяжести и не чувствует. Но сумеешь ли, сынок?

— Сумею, ата. К рассвету я буду за Старым мазаром. — Затем, помолчав, спросил: — Ата, а Сашка приехал?

— Не видел я его, наверно, не приехал. Да и хорошо, что он задержался в городе. Иван Семенович тоже не вернулся с гор.

— А может, Сашка вечером приехал? — высказал догадку Миртемир. — Может, совсем поздно приехал?

— Приехал — прибежал бы, — усмехнулся Даньяр. — Вы ведь часу друг без друга прожить не можете.

Помолчали, как молчат мужчины перед расставанием.

— Ну, что ж, сынок, — прервал паузу Даньяр. — Байчибар уже отдохнул. Я сейчас вынесу тебе халат да пару лепешек на дорогу.

Через несколько минут Миртемир уже рысил по самой середине кишлачной улицы. Он не подъезжал близко к кустам и дувадам, опасаясь вражеской засады: ведь бай-то еще не были арестованы. Сдерживал он и рвавшегося вперед Байчибара, до поры берег его силы, но, настороженно вглядываясь в темноту улицы, Миртемир готов был в любую секунду бросить коня в стремительный намет, чтобы избежать нападения или погони.

Вот, наконец, и окраина кишлака. Сейчас дорога повернет вправо и пройдет около самых стен усадьбы, когда-то принадлежавшей одному из жителей кишлака. Уже второй год в обширном доме усадьбы жил начальник геологической партии Иван Семенович Сибиряков со своей семьей и помощниками. С сыном Сибирякова Сашей Миртемир дружил с первого дня приезда геологов в кишлак. Вдвоем они облазили все ближайшие горы и распадки. Охотились за кекликами и даже пробовали гоняться за горными козлами. Саша быстро научился ходить по горам, говорить по-узбекски и хорошо ездить верхом.

А Миртемир стал читать по-русски даже лучше самого Даньяра.

Вспомнив друга, Миртемир вздохнул. Сейчас усадьба пуста. Иван Семенович с сотрудниками в горах, а Саша в городе: уехал навестить мать, лежавшую в больнице.

Проезжая мимо усадьбы, Миртемир придержал коня. А может, Саша уже вернулся? Может быть, и не знает, какая гроза нависла над кишлаком? При одной мысли, что друг в опасную минуту может оказаться совсем один, сердце Миртемира сжалось. Надо все-таки проверить, не вернулся ли Саша.

Миртемир решительно свернул с дороги, спешился, спрятал коня в кустах, за дальним углом стены, ограждавшей усадьбу, посмотрел на затянутое тучей небо и пошел к воротам. Двигался он осторожно, внимательно вглядываясь и вслушиваясь в темноту. В такую ночь враг может оказаться везде, даже совсем рядом. Всегда нужно быть наготове.

Но кругом было тихо. Миртемир остановился, прислушался, втянул носом густой, напоенный ароматом цветущих полей и садов воздух и по каким-то понятным только жителю гор приметам определил: «Пожалуй, сильный дождь будет».

Большие и тяжелые ворота усадьбы оказались не заперты. Миртемир знал, что всякий раз, когда их открывают или закрывают, они очень громко и пронзительно скрипят. Скрипят так, что даже на другом конце кишлака слышно. Иван Семенович часто шутил поэтому поводу.

«К нам,— говорил он,— незаметно не войдешь и не выйдешь. Ворота не утерпят, всему кишлаку расскажут». Поэтому, подойдя к ним, Миртемир взобрался на огромный жернов, с давних пор прислоненный к стене, с него вскочил наверх стены и затем легко соскользнул внутрь двора. Не раз и не два они с Сашей поступали таким образом.

Во дворе усадьбы было так же темно и тихо, как и на улице. Миртемир пересек двор и подошел к дому. Никого. По своему характеру Миртемир был храбрым мальчиком, но здесь он вдруг почувствовал себя неуверенно. Раньше дом этот в ночную пору всегда сиял огнями, в нем звучали веселые голоса геологов, а сейчас кругом было непривычно темно и мрачно. Чтобы побороть робость, Миртемир подошел к окну, за которым, он знал, стояла кровать его друга, и окликнул:

— Сашка!

Звук собственного голоса заставил Миртемира вздрогнуть. Его окрик прозвучал громко, тревожно и почему-то испуганно. Торопясь быстрее покинуть этот неожиданно ставший таким неприятно чужим двор, Миртемир поднялся на веранду, тянувшуюся вдоль фасада дома, подошел к двери и ощупал засов. Так и есть: на дверях висел замок. Значит, Саша не приехал. «Напрасно только задержался, время зря потерял»,— упрекнул себя Миртемир и, прыгнув с веранды, направился к воротам.

Но в этот момент за его спиной скрипнуло окно, и раздался сонный голос Саши:

— Мирка, это ты? Погоди, я сейчас.

— Сашка! — кинулся к окну Миртемир. — Почему запертый спишь?

— А зачем отпирать? — ответил из темноты Саша. — Я в окно залез. Так интереснее.

— Скорей одевайся,— торопил друга Миртемир. — Мне некогда. Я уезжаю. Ты сейчас беги в правление. Только скорей.

— Чего я там не видел? Я лучше с тобой. — Нельзя со мной. Я на Байчибаре.

— Ну и что ж. Я сзади сяду.

— Нельзя. Байчибар уже целый день под седлом, устанет быстро.

— Ишь ты какой хитрый,— донесся из темноты сердитый голос Саши.— Сам едешь, а я в правление идти должен. Тогда я лучше спать буду.

— Да скорей ты, вот дантаса (лодырь), — рассердился на друга Миртемир. — Басмачи близко. На кишлак идут, К полуночи здесь будут.

Внутри комнаты что-то загрохотало. Видимо, Саша в темноте опрокинул стул. А через полминуты и он сам, перескочив через подоконник, стоял рядом с Миртемиром. Пока Саша старательно закрывал окно, Миртемир коротко рассказал ему о событиях дня, о том, зачем и куда он едет, и закончил словами:

— Ты беги к нашим. Они тебя в обиду не дадут. А я поеду.

Но в этот момент произошло событие, изменившее намеченный Миртемиром план. К воротам усадьбы кто-то подъехал. Но кто? Друг или враг? Ребята затаились в кустах около амбара, где хранилось казенное геологическое имущество. Подъехавший, видимо, знал громкоголосье больших ворот усадьбы. Через мгновение силуэт головы всадника зачернел над верхом стены в том самом месте, где за несколько минут до этого через нее перебирался Миртемир.

— Кузяин! Эй, кузяин! — донесся до ребят не слишком смелый окрик приехавшего.

— Кто это? — шепотом спросил друга Саша.

— Не знаю, — так же шепотом ответил Миртемир. — Кажется, Баймирза, умарбековский лизоблюд.

Покричав еще немного и убедившись, что в доме никого нет, Баймирза расхрабрился и перелез через стену. Первым долгом он направился к дому. До ребят донесся треск замка, который Баймирза легко свернул рукой. Затем наступила тишина — Баймирза шарил в доме.

— Слушай, Мирка, — предложил Саша, — давай я возьму его лошадь, а ты на Байчибаре. Согласен?

— А на каком коне приехал Баймирза? — заколебался Миртемир. — Если на своей кобыленке, то и пробовать не стоит.

Но, словно опровергая слова мальчика, из-за ворот послышался удар копыт о камень. Конь, на котором приехал Баймирза, нетерпеливо рыл землю — ему не стоялось на месте.

— Наверно, у него один из коней Умарбека, — догадался Миртемир.

— Умарбековские кони хорошие, — ответил Саша, — от Байчибара не отстанут. Я поеду с тобой.

— Ну ладно, давай попробуем, — согласился Миртемир, не очень довольный сравнением Байчибара с умарбековскими скакунами. — Пошли. Только тихо.

Но в этот момент Баймирза вышел из дома. Он тащил ворох чего-то мягкого. Видимо, в темноте собрал всю одежду, которая висела на вешалках. Грабитель постоял в раздумье на веранде, затем положил ворох на пол и пошел к амбару с казенным имуществом.

Ругаясь вполголоса, он возился с замком всего в нескольких шагах от двух друзей. Если бы не темнота, грабитель, безусловно, различил бы мальчиков, которые, прижавшись к разросшемуся кусту, не спускали с него глаз.

Наконец, Баймирза сорвал замок, отодвинул засов и скрылся за открытой дверью. Ребята еле дышали, не зная, что предпринять. Грабитель был слишком близок. Каждое движение могло выдать их.

Но тут Саша неожиданно сорвался с места, захлопнул дверь амбара и, задвинув засов, громко закричал:

— Папа! Иди скорей! Мы вора поймали!.. Я в сельсовет за милиционером...

На секунду Миртемир растерялся. Но затем, сообразив, что делать, схватил друга за руку и потянул к воротам, не менее азартно вопя:

— Иван Семенович, в амбаре вор! Это Баймирза, не выпускайте его.

Из амбара не доносилось ни звука. Видимо, Баймирза был ошеломлен и перепуган.

Через минуту мальчики сказали рядом по каменистой дороге. Друзья и не подозревали о том, что, заперев Баймирзу в амбаре, они перепутали все расчеты

Умарбека. За несколько минут до своего ареста бек успел вызвать Баймирзу и снабдил его самым лучшим скакуном из своего табуна. Богач приказал Баймирзе, не задерживаясь, скакать в Кривое ущелье и обязательно привести часть прорвавшихся басмачей на помощь кишлачным богачам. Ограбить квартиру геологов Баймирза решил по своей инициативе. Он с полным основанием считал, что Умарбек не очень щедро расплатится с ним за рискованную поездку, а ограбление геологов можно будет свалить на басмачей.

Туча, долгое время стоявшая над кишлаком, наконец-то обрушилась на землю таким ливнем, какой можно увидеть только в узкой долине, зажатой гранитными хребтами в самом сердце азиатских гор. Впрочем, увидеть что-либо было вообще невозможно. Можно было

только чувствовать, ощущать непрерывные струи воды, тесно, почти вплотную одна к другой падавшие с неба в крошечной темноте. То в одном, то в другом месте эту почти сплошную стену воды вдруг пробивал сноп ослепительных огненных полос, с неземной яростью пытавшихся пронзить каменные груды утесов, окружавших долину. Гром звучал глухо, и мальчикам казалось, что это злобно шипят гаснущие в потоках воды десятки молний.

Халат Миртемира и ватная куртка Саши промокли в течение нескольких минут, но мальчики не замечали этого. Все их внимание было направлено только на дорогу. Друзья больше надеялись на уши, чем на глаза. Если под копытами коней звенит каменистая почва, значит, все в порядке. Мягкие, распаханые поля сразу выдавали себя чавканьем. Впрочем, Миртемир больше всего надеялся на чутье своего Байчибара. Боясь потерять один другого, мальчики ехали рядом, стремя в стремя, не подгоняя, во и не сдерживая коней. Ждали, когда выдохнется ярость сбесившейся стихии, когда кончится ливень, погаснут молнии.

Лишь когда ребята были уже в нижнем конце долины у въезда, в ущелье, дождь понемногу начал стихать. Туча, излив свою злость, расползлась клочьями по небу. Между обрывками туч, в просветах, засверкала яркие, чуть не в кулак величиной, звезды. Стали светлее, и мальчики увидели, что по дороге катится настоящий поток. Вода покрывала ноги лошадей по самые бабки.

— А в ущелье сейчас, наверное, вся дорога затоплена,— встревожился Саша. — Проедем ли?

— Проедем,— успокоил друга Миртемир.— По верхней дороге. Ее даже в паводки не затопляет. Только она хуже. Быстро ехать нельзя будет.

В ущелье, действительно, можно было проехать только по верхней дороге, шедшей возле скал. Темнота и камни мешали всадникам. Здесь не пустишь коня даже рысью. Более двух часов ребята ехали шагом, изредка переходя на мелкую осторожную рысь. Уже начала высыхать одежда, и небо слегка побелело, а конца бездорожья не было.

— Как бы нам не опоздать,— забеспокоился Миртемир,— обгонят нас басмачи.

— Не обгонят,— полусонно ответил немного вздремнувший в седле Саша.— И у них дорога не лучше.

— В Кривом ущелье дождя не было,— уверенно заявил Миртемир.— Всегда так бывает: у нас дождь — в Кривом сухо, в Кривом дождь — у нас клевер на солнце сушат.

— Да ну? — удивился Саша. — Вот не знал. Значит, через какой перевал туча переползет, там и дождь. Постой, ты думаешь, что басмачи сейчас быстро едут?

— Сейчас они спят,— не совсем уверенно ответил Миртемир. — Вчера они целый день ездил. Сейчас их лошади отдыхать должны.

— Значит, порядок,— успокоился Саша.

— Нам бы только проехать тот распадок, через который басмачи из Кривого ущелья выходить будут. А тогда... там и верхняя дорога очень хорошая.

— Далеко еще до него?

— Через час доберемся. Как раз к рассвету, — определил Миртемир.

— От распадка до Старого мазара далеко?

— Километров двенадцать. Но там-то мы одним духом проскочим. Дорога, как стол, и под гору.

Миртемир оказался прав.. Звезды уже потухли, и небо из темно-синего стало совсем белым, когда они выбрались на хорошую, как стол, дорогу.

И всадники и лошади устали. Байчибар уже не с таким азартом просил повод, да и Миртемир с Сашей потеряли обычную живость.

Проехав крупной рысью несколько километров по ровному пути, Миртемир остановил Байчибара и соскочил с седла. Саша последовал примеру друга. Миртемир развязал узелок с двумя лепешками. Одну мальчики оставили для себя, вторую поровну поделили между лошадьми.

Прожевывая размокшую под дождем лепешку, Саша спросил:

— Мирка, а где этот распадок-то?

— Так мы его уже давно проехали. Он там,— махнул Миртемйр назад.

Саша посмотрел, куда указывал Миртемйр, и вдруг, перестав жевать, прищурился, вглядываясь в мутные сумерки рассвета.

— Мирка,— проговорил он замирающим голосом.— Там люди. За нами скачут.

— Где? — круто обернулся Миртемйр и, вглядевшись, кошкой прыгнул в седло.— Едем! — крикнул он.— Басмачи!

Бросив с места в галоп коней, друзья на несколько секунд скрылись от погони за кривизной ущелья.

— Может, нас не видели? — крикнул Саша другу.

Вместо ответа Миртемйр крепко ожег плетью Байчибара. Не привыкший к такому обращению скакун изо всех сил ринулся вперед.

Вот ущелье опять на короткое время вышло напрямую, и ребята убедились, что их бегство не осталось незамеченным. Следующий изгиб ущелья снова укрыл беглецов от погони, но ненадолго. Скоро стало видно, что их догоняют не менее двух десятков конников. Спасти Миртемира и Сашу могла только встреча с чекистским полком, но до него было еще очень далеко.

Дав коням полную волю, время от времени горяча их нагайками, мальчики вихрем мчались по ущелью. С улюлюканьем настигали их басмачи. Саша скоро понял, что надежды на спасение нет. Байчибар явно выдыхался. Саше приходилось придерживать своего коня, чтобы не оставить товарища.

Около них начали посвистывать пули.

— Не попадете, ни за что не попадете,— сквозь зубы приговаривал Саша,— не умеете вы стрелять. Разве так стреляют? Вот придут наши, они вам покажут, как стрелять надо. Никогда вы в нас не попадете.

— Давай, давай,— торопил друга Миртемйр,— давай быстрее, Сашка,— повторял он, не замечая, что Саша, придерживая своего копя, все-таки идет на полкорпуса впереди.— Давай!

Вдруг Байчибар вздрогнул и жалобно, почти по-человечески застонал,

— Байчибар! Что ты? Байчибар! — Миртемир почувствовал, как снижается бег его любимца.— Тебя ранили?!

— Мирка, садись за мной! — закричал Саша.— Бросай Байчибара! Он падает!

— Нельзя, Сашка! — отказался Миртемир.— Двоих твой конь не выдержит. Скачи один.

— Ты что, ополоумел! — Саша круто осадил своего коня, видя, что Байчибар, подогнув передние ноги, медленно валится на дорогу.— Лезь ко мне!

— Скачи вперед, ишак, — выругался Миртемир, соскакивая с падающей лошади.— Ты русский. Басмачи тебя сразу убьют. А про себя что-нибудь придумаю.

Но, взглянув на растерянное лицо друга, Миртемир понял, что никакие просьбы, никакие ругательства не заставят Сашу уехать одного. Тогда быстро наклонившись, он сорвал пробивавшееся меж камней растение, подбежал к Саше и торопливо проговорил:

— До Старого мазара километров восемь. Скачи. Там чекисты близко. Веди их сюда.— Он незаметно ткнул сорванное растение под хвост коня Саши.

Если даже издыхающей от старости кляче сунуть под хвост сухую верблюжью колючку, та на несколько минут превратится в резвого скакуна. Трудно себе представить, что произошло, когда Миртемир проделал такую же штуку с конем Саши.

Мальчик едва удержался в седле, когда его обезумевший от боли скакун дико завизжал и, закусив удила, очертя голову ринулся в глубину ущелья. И Миртемир, и погоня, и даже звуки выстрелов сразу же остались далеко позади. Попытка повернуть коня обратно или хотя бы остановить его привела только к тому, что лопнул левый повод и Саша едва не свалился на землю. Конь летел, высекая подковами искры из каменистой дороги, а в седле, уронив голову на гриву коня, плакал Саша, повторяя: — Мирка!.. Мирка!.. Зачем ты так,

Мирка?..

Через полчаса с глазами, красными от слез, Саша влетел в походные порядки кавполка, утомленного ночным переходом по ущелью. Произошло это за Старым мазаром. Когда он проскочил этот Старый мазар, Саша даже не заметил.

Бешеный аллюр, на каком Саша прибыл в кавполк, развеселил кавалеристов. С трудом поймав обезумевшего скакуна и установив причину его резвости, красноармейцы чуть не попадали с седел от смеха.

— Вот это прописали, братцы, коню директиву, — грохотал один за целый взвод здоровенный конник с рыжими усами.

— Такую штуку надо нашему кашевару в штаны сунуть, чтобы не отставал по дороге, — предложил кто-то из полковых остряков.

— Почтальону тоже не мешает, — добавил второй.

Командование полка отнеслось к Сашиному сообщению с полной серьезностью. Командир, кинув взгляд на карту, приказал эскадронному:

— Взвод Кольчугина усилить двумя пулеметами. Занять перевал у Старого мазара и отражать атаки басмачей до подхода полка. А тебе, мальчик, спасибо. Отдыхай. Ты свое дело сделал.

Но Саша не хотел отдыхать. Ему надо было торопиться на помощь Миртемиру.

Когда взвод Кольчугина на рысях обходил далеко растянувшуюся колонну полка, к нему пристроился и Саша на присмирившем, но все еще не пришедшем в себя скакуне.

Кольчугин со своим взводом вышел на перевал все же за полчаса до подхода передового отряда басмачей. Укрыв коней в скалах за поворотом ущелья, бойцы занялись подготовкой к обороне. Каменная, хотя и довольно ветхая стена, окружавшая мазар, давала бойцам надежное укрытие: ведь артиллерии у басмачей не было. Один из пулеметов хорошо замаскировали под углом ограды, и Кольчугин коротко определил задачу расчета:

— Ваше дело дорогу подметать!

Второй пулемет был поднят на плоскую крышу главной постройки мазара и скрыт на ней за кучею кирпича, оставшегося после развалившегося бокового купола. Пулеметчикам на крыше Кольчугин сказал:

— Ваше дело брить басмачей и слать им прощальные приветы.

Оборона была занята прочно, но Кольчугин был чем-то недоволен. Он еще раз расспросил Сашу о том, как гнались за ними басмачи, и, приняв решение, сказал мальчику.

— Вот что, сынок! Жми за своим сумасшедшим Тулпаром (сказочным конём). Веди его прямо сюда в эту халабуду, — непочтительно кивнул он на мазар — могилу какого-то святого. — Да побыстрей, басмачи вот-вот, пожалуют.

И в самом деле. Едва лишь Саша ввел своего скакуна в древнее здание мазара, как на подъеме к перевалу появилась группа басмачей. Не доехав метров триста до мазара, они остановились. Басмачи внимательно вглядывались в развалины, но вперед ехать не торопились, видимо, ожидая прибытия основных сил. Те постепенно подходили. Басмачей в ущелье перед мазаром становилось все больше и больше.

— Человек полтора ста будет, — определил Кольчугин, вглядываясь в бандитов через щель в стене мазара.

— Сейчас они разведку пошлют, — предсказал, ни к кому не обращаясь, Саша.

— Нужна мне их разведка, как блоха в портках, — зло бросил в ответ Кольчугин. — Что мы с ними сая-маякаться приехали, что ли? Саша, сейчас тебе придется актером стать, чтобы этих бандюг как следует раззадорить. Сделаешь?

— Сделаю, — горячо ответил Саша. — Все сделаю.

— Садись на своего отчаянного и выезжай из мазара. Не торопясь выезжай, будто басмачей не замечаешь. А как достигнешь ограды, сделай вид, что басмачей только что увидел. Покружись на въезде, будто с перепугу, и кати вниз по ущелью навстречу полку. Нужно, чтобы бандюги подумали, что в мазаре ты один был. Понял?

— Понял, — уже сядя в седло, ответил Саша.

— Только ты не пересаливай,— напутствовал его Кольчугин. — Выезжай неторопливо, а потом жми во все лопатки.

Замысел комвзвода полностью удался. Даже не первый год воевавший с басмачами Кольчугин не ожидал, что погоня за мальчиком будет такой яростной. Саша еще не успел выехать из мазара, а по ущелью к нему уже катился пестрый вал орущих всадников.

— Похоже, им тоже каждому по пучку колючки под хвост сунули, — не удержался от шутки Кольчугин. Когда до атакующих басмачей осталось не больше сотни метров, Кольчугин крикнул:

— А ну, хлопцы, дадим чесу бандюгам! Огонь! Дружный залп и длинные очереди двух станковых пулеметов поставили перед басмачами непроходимую стену. Казалось, атакующие на полном скаку наткнулись на протянутую поперек ущелья проволоку. На дороге сразу образовался барьер из рухнувших от первых пуль коней и всадников. А залпы гремели один за другим.

Басмачи метались по ущелью, не имея возможности ни прорваться, ни унести подобру-поздорову ноги. Наиболее сообразительные при первых же выстрелах попадали с лошадей и теперь лежали, прижавшись к земле, понимая, что только в этом их единственное спасение.

Недолго продолжался бой у Старого мазара. Даже десятку басмачей не удалось ускакать в дальний конец ущелья. Остальные лежали на каменистом ложе, кто, умолкнув на веки, кто вопя от боли, а большинство — полумертвые от страха за свою жизнь.

Подав команду прекратить огонь, Кольчугин приказал одному из своих конников:

— А ну-ка, Каримджан, покричи этим завоевателям. Пусть, кто уцелел, ползет сюда. Только без оружия. Пусть на месте оставляют. Потом соберем.

И поползли незадачливые вояки, кто на четвереньках, а кто и по-пластунски, волоча простреленные ноги и руки, ползли, оставив на горячих камнях ущелья новенькие английские винтовки и голубоватые клинки. А над ними, далеко раскатываясь по ущелью, летел голос Каримджана, выкрикивавшего по-узбекски:-

— Ползите веселее, толстопузые воины ислама! Эй ты, пузатый ишак! Оставь маузер на месте, а то я его сам сниму. Только не с тебя, а с покойника.

Бойцы Кольчугина были довольны. Головной отряд врага разгромлен, приказ командира выполнен, а полк на подходе. Печален был только Саша, Он не видел Миртемира. Куда же он делся? Неужели убили?

А Миртемир сидел в это время на лошади за спиной высокого и худого басмача. Лицо мальчика было совсем белое от усталости и перенесенных волнений, И двигался Миртемир не к Старому мазару, а в сторону родного кишлака, откуда сейчас доносился треск витовочных выстрелов и приглушенные расстоянием звуки пулеметных очередей. «Значит, басмачи все-таки прорвались через заставу»,— думал мальчик, стискивая зубы, чтобы не застонать.

Каждый шаг коня отзывался новой болью в истерзанном теле Миртемира. Но мальчик крепился изо всех сил. «Успел ли Саша предупредить чекистов?» — в который раз спрашивал себя Миртемир, прислушиваясь ко все приближающимся звукам боя в родном кишлаке.

На рассвете, когда Саша ускакал к пограничникам, Миртемир крепко стянул поясным платком полы халата, спрятал под него концы пионерского галстука и сел на камень около головы умирающего Байчибара. Ему было страшно. Слыша топот приближающейся погони, мальчик побелевшими губами шептал:

— Саша приведет чекистов. Вот увидишь, Байчибар. Ты потерпи еще немного.

Басмачи, осадив около Миртемира лошадей, растерялись. Перед ними около раненой лошади сидел перепуганный мальчишка и по-узбекски говорил своему четвероногому другу:

— Потерпи, Байчибар, миленький, потерпи немного.

— Эй, бача (мальчик)! — окликнул Миртемира одноглазый басмач, — ты зачем бежал? Почему сразу не, остановился?

— Испугался очень,— первое, что пришло в голову, ответил Миртемир.

— Испугался,— расхохотался басмач. — А дружок твой еще больше испугался? Удрал, как трусливый шакал,

Миртемир помнил, что дело, на которое послал его Даньяр, еще не окончено, поэтому басмачи не должны знать, почему и куда ускакал Саша.

— Вовсе это не мальчишка был, — ответил он.

— Не мальчишка? — удивился тот. — А кто же? — Девчонка. Сестренка моя была.

— Ишь ты. Зачем же ты ее одну отпустил?

— Ей лучше одной быть, чем с вами.

— Догадливый, ишачий сын,— засмеялся басмач.

У Миртемира появилась надежда, что ему, может быть, удастся ускользнуть. Может быть, враги поскачут дальше, а его оставят здесь. Сашку они все равно не догонят, Миртемир заметил, что басмачи уже не так грозно смотрели на него. Каждому из них был понятен поступок мальчишки, с риском для жизни спасающего честь сестры. Но когда подошли основные силы банды, положение изменилось. Главный командир басмачей оказался не таким доверчивым.

— Почему стреляли? Что это за мальчишка? — спросил он, осадив коня в двух шагах от лежавшего на земле Байчибара.

«Не узбек,— услышав голос главаря, определил Миртемир, не поднимая головы.— И не русский. А по-узбекски хорошо говорит, только как-то не по-нашему».

Одноглазый басмач, подобострастно кланяясь, доложил командиру обо всем, что произошло.

— Девочка, говоришь, ускакала?— переспросил главарь.— Ишаки! С девчонкой не могли справиться. — Сухое лицо европейца, привыкшего повелевать, передернулось.

— Да врет он все.— Это сказал один из подошедших басмачей.— У него и сестры-то никогда не было.

— Откуда его знаешь?

— Да это Миртемир, сын председателя Даньяра. Миртемир поднял голову и похолодел: «Пропал я. Это Ораз, брат Умарбека. Теперь мне не поверят».

— Сын большевика?— переспросил вожак.— Обыскать!

Дюжие руки басмачей сорвали с Миртемира поясной платок. Халат распахнулся, и все увидели пионерский галстук.

— Ага! И сам уже большевик,— с издевкой проговорил главарь басмачей. — Гаденыш!

Зная, что сейчас решится его судьба, Миртемир со страхом и злостью смотрел на всадника,

— Кто это? — спросил тот, указав концом нагайки на значок на груди Миртемира.

— Ленин,— негромко ответил Миртемир.

— Кто, кто? — главарь сделал вид, что не расслышал.

— Ленин,— уже громче повторил Миртемир.

— Ленин? Ну если даже в такой глуши любой щенок бежит с ленинским значком на груди, значит, зараза проникла слишком глубоко. А. знаешь ли ты, сын шакала, что коран запрещает изображать живые существа? Тем более людей. Знаешь?

— Не знаю, мы в школе коран не проходили.

— Должен знать, ишачье отродье,— закричал вожак.— Ленина знаешь, а коран знать не хочешь. А зачем ты здесь очутился, знаешь?! А куда ехал, знаешь?!

Миртемир потупился. Смотреть на этого свирепого, с дергающимся лицом человека было очень страшно.

Главарь костяной рукояткой нагайки больно поддел мальчишину за подбородок.

— Ну говори, сын дьявола, куда ехал?

— Сестру провожал, — срывающимся от страха голосом продолжал утверждать Миртемир.— Ораз не знает ее. Она в кишлаке Тамга живет.

— Это может быть,— подтвердил Ораз.— В Тамге живет сестра жены Даньяра. Подлая баба. Первая паранджу (волосяная сетка, которой мусульмански религия предписывала женщинам закрывать лицо) сняла.

— Чепуха,— оборвал его командир.— Девчонка для маскировки, этот змееныш был послан предупредить о нашем прорыве. Так ведь? Ну? Говори, — крикнул он и больно ударил Миртемира рукояткой нагайки по голове.

— Ой, не бейте, дяденька, сестру провожал, говорю вам,— не выдержав боли и обиды, заплакал Миртемир.

Но главаря охватило бешенство. Его плетеная из бычьих жил нагайка со свистом опустилась на плечи и спину мальчика, разрывая в клочья халат и оставляя на теле сразу же налившиеся кровью полосы.

Миртемир свалился на дорогу, а басмач, извиваясь в седле, продолжал наносить удар за ударом.

— Говори, ишак! Говори, шакал! Говори, змееныш!— повторял он при каждом ударе плетью.

— С мальчишками воюем, — вдруг оборвал выкрики вожака чей-то насмешливый голою. — От красных, как зайцы, бегаем, ъ. с мальчишками, как барсы, воюем.

Главарь, словно его самого ожгли плетью, выпрямился в седле. Казалось, еще секунда, и он, вырвав из колодки маузер, пристрелит высокого рябоватого басмача, посмеявшегося поднять против него свой голос. Но, взглянув на хмурые лица вокруг, сдержался.

— Пожалели гаденыша,— резко бросил он.— А этот щенок ехал за нашей смертью.

Миртемир понял: главарь разгадал его тайну. Но Сашка-то уже далеко. И зная, что басмачи теперь не поймут его друга, торжествуя над бессильным что-нибудь изменить врагом, Миртемир крикнул:

— Все равно не спасетесь. Вас всех перебьют!

— Вот видите,— усмехнулся вожак,— значит, чекисты уже знают о нас.

— Скоро узнают,— лежа на земле, но дерзко глядя в глаза басмачу, ответил Миртемир.

— Раскололся все-таки гаденыш, — довольным тоном, словно Миртемир сообщил ему приятную новость, проговорил главарь.— А мы еле тянемся,— снова наливаясь злобой, вдруг заорал он на басмачей. — До Старого мазара еще верст десять, не меньше! А ты обещал привести нас туда ночью,— напустился он на одноглазого.

— Так дорога-то какая, сами видели, господин, — оправдываясь, заговорил тот.— Кони совсем устали. Не идут. И мальчишку бы нам не догнать, да пуля быстрее коня. От пули не ушел, хоть и загубили хорошего коня.

— Хватит разговоров! — оборвал его командир банды.— Лошади уже передохнули. Рысью до Старого мазара, не останавливаться!

— А этого куда? — кивнул басмач на Миртемира, когда колонна мелкой рысью тронулась дальше.

— Этого? — переспросил главарь и начал открывать колодку маузера, но передумал, захлопнул ее. Пошарив по колонне глазами, он подозвал басмача, осмелившегося поднять свой голос: — Эй, ты! Ко мне! Шевелись. Значит, жалеешь таких пашенков? — ядовито спросил он рябого, когда тот подъехал.

— Ребенок, ой и есть ребенок, — сдержанно ответил басмач, не отводя в сторону тяжелого взгляда.

— Так вот ты и пристрели его сейчас. Ну! Басмач молча, не спуская глаз с главаря, начал

неторопливо снимать из-за спины винтовку. Вожаку вдруг стало не по себе под мрачным взглядом рябого, и он, нервно передернув губами, добавил: — Да не здесь, дурак. Отведи вон в кусты, к речке... Потом догонишь.

— Вставай, рожденный для горя,— тронул Миртемира кончиком нагайки рябой.—

Пошли.

Басмач подвел Миртемира к кустам, тянувшимся вдоль реки. Дальше идти было некуда. Дальше был обрыв. Миртемир повернулся лицом к своему палачу.

— Дальше я не пойду, — сказал он.

А тот положил винтовку на луку поперек седла и, опершись на нее локтем, стал внимательно рассматривать мальчика. Рябое лицо басмача было непроницаемо спокойно, но губы слегка шевелились, словно он решал в уме какую-то очень трудную задачу или молился. Смолкли последние звуки удаляющейся колонны. В ущелье наступила тишина, нарушаемая только птичьими голосами.

— Слушай, бала (сынок), — заговорил, наконец, басмач. — Ты правду говорил, что красные близко,

— Правду, — подтвердил Миртемир.

— Может, попугать захотел? Соврал маленько?

— Полк еще вчера вечером вошел в ущелье, — сверкнул глазами Миртемир, — я никогда не вру.

Такой ответ явно озадачил басмача. Он яростно поскреб затылок и недоверчиво посмотрел на мальчика.

— Не обманываешь?

— Об этом в кишлаке еще вчера узнали. Чекистский полк близко.

— Придется Инглиш-беку опять удирать, — снова почесал затылок басмач.

— Не придется, — пообещал Миртемир. — В Кривом ущелье их, как в мышеловке, захлопнут. А через наше ущелье полистанцы вас ни за что не пропустят. Начальник заставы обещал Даньяру-ата помощь.

— Значит, ты сын Даньяра из Гюлистана? — спросил рябой, снова опираясь на лежавшую поперек седла винтовку.

— Да, я из Гюлистана, — ответил Миртемир.

— А я ведь знаю твоего отца, — вдруг улыбнулся басмач. — Я раньше в Гюлистане жил. Мы с твоим отцом вместе играли, когда были такими, как ты.

— Даньяр мне не отец, а дядя. Моего отца звали Керим, он был старший брат Даньяра. Его басмачи Рахманкула убили.

— И Керима я знал, хорошо дыни он выращивал. Меня раз на своей бахче поймал. Спустил штаны и крапивой здорово отодрал.

Миртемир промолчал. Все его тело болело от побоев, и мальчик постепенно как-то тупел от боли. Сейчас он, пожалуй, «е очень боялся даже самой смерти. Просто сердце ныло, так ныло, что хоть кричи.

— Как ты думаешь, меня расстреляют, если я сдамся? — неожиданно спросил басмач.

— Если сам сдашься, не расстреляют, — уверенно ответил Миртемир. — В прошлом году Сабир сдался. А ведь Сабир два раза уходил басмачить, теперь в колхоз вступил.

— Значит, не расстреляют. Особенно, если я тебя живым приведу. Но, наверное, посадят?

— Не знаю, — откровенно ответил Миртемир, еще не веря, что появилась надежда на спасение. — Наверное, не посадят, если вы никого не убивали. Сабира же не посадили.

— Я всю правду расскажу, — убеждая скорее самого себя, чем Миртемира, продолжал басмач. — Я ведь не сам в басмачи ушел. Меня в девятнадцатом курбаши Иргаш мобилизовал, а мулла на коране клятву с меня взял. Так не расстреляют, говоришь?

— Не расстреляют, дядя, — горячо подтвердил Миртемир. — Я расскажу, как вы за меня заступились.

— В самом деле расскажешь?

— Обязательно расскажу все, как было, — повторил Миртемир.

— Поклянись, как на коране клянутся.

— Мне нельзя, как на коране. Я — пионер.

— Ну поклянись по-вашему, по-пионерскому.

— Даю честное пионерское слово, — Миртемир вскинул правую руку для салюта.

— Пстой, пстой,— прервал басмач,— не так. Ты левую руку на Ленина положи, как я на коран клал. А когда кончишь клятву, поцелуй значок. Тогда крепко будет. Ты не можешь обмануть меня, если Лениным поклянешься.

— Хорошо, давай так сделаю,— согласился Миртемир. Он положил левую ладонь на ленинский значок и, подняв правую руку в пионерском салюте, громко проговорил:

— Даю честное слово пионера-ленинца, что расскажу все, как было, как вы заступились за меня, и буду просить Даныяра-ата, чтобы он тоже заступился за вас.

Затем Миртемир подтянул кверху отворот халата и поцеловал ленинский значок.

Басмач с ревнивым вниманием следил, чтобы все делалось так, как он считал правильным, чтобы клятва получилась нерушимо крепкой.

— Что же это такое? — все еще не зная, на что решиться, раздумывал басмач.— Мулла говорит, что мы не сами выбираем свои пути, их нам аллах указывает. Но ведь аллах, если бы не хотел, не должен был допустить этого. А ну, иди сюда, сын Керима. Только смотри, ты мне по-своему, по-большевистскому, на Ленине поклялся.

Протянув длинную, как оглобля, руку, рябой басмач легко, словно котенка, поднял Миртемира с земли и вскинул его на круп коня за своей спиной.

— Держись! — крикнул он и ударил коня плетью.— Нам надо очень торопиться.

Отчаянная скачка продолжалась долго. Миртемиру десятки раз казалось, что силы его полностью иссякли, что сейчас он упадет на каменистую землю, прямо под копыта коня.

Только оставив позади ущелье и убедившись, что теперь его никто не догонит, рябой басмач перевел коня на рысь.

Еще несколько поворотов по распадку, и перед ним открылась долина. В конце ее у входа в ущелье, ведущее к границе, прятались в буйно раскинувшейся зелени садов домики Гюлистана — его родного кишлака. Отсюда почти десять лет назад ушел он, чтобы стать басмачом, проливать кровь таких же, как и он сам, бедняков, осмелившихся восстать против векового угнетения. Ушел еще совсем молодым и глупым, но со звериной ненавистью ко всему, что принесло в его родной кишлак непонятное и чужое слово «революция». Ненависть разжег в нем фанатик-мулла, а взяться за оружие приказал хозяин, у которого будущему басмачу пришлось батрачить с самого раннего детства.

Долгие годы волчьей жизни не смогли вытеснить из сердца образ родного кишлака. Басмач смотрел на освещенный утренним солнцем кишлак, кривясь и жалобно моргая, словно ветер, дувший ему в лицо, был горьким и едким.

Уставший конь, почуяв, что внимание хозяина чем-то отвлечено, перешел с рыси на шаг. Рябой приосанился в седле и торжественным тоном заговорил:

— Слушай, ты ведь, наверное, не знаешь моего имени. Меня зовут Овез Берды. Запомни: Овез Берды, был неустрашимым и смелым. Э! Ты куда? Пстой! — закричал он вдруг, почувствовав, что Миртемир падает с седла.

Последние силы оставили мальчика. Овез подхватил его на руки. Миртемир был без чувств, с лицом белым, как снег горных вершин. Овез беспомощно огляделся.

— Что же теперь делать? Мальчишка того гляди окачурится, а люди скажут, что это я его убил. — Перебросив Миртемира на переднюю луку седла, Овез Берды безжалостно пришпорил коня. Все же, решил он, надо к людям. Но через четверть часа он также крепко осадил скакуна, как перед этим бросил его в намет. Из кишлака слышались выстрелы: Натренированное ухо Овеза Берды различало озлобленную перебранку пулеметов, частые залпы и одиночные винтовочные выстрелы. В кишлаке шел бой. Овез Берды растерялся. Как же теперь поступить? В кишлак сейчас ехать нельзя. Неизвестно, на кого нарвешься. Но и здесь, среди долины, тоже торчать невозможно.

— Э... была, не была,— решил Овез.— Хибарки с этого края сейчас, наверное, пустые. Мужчины дерутся на том краю, а бабы с ребятишками отсиживаются в горах.

Надо попробовать, другого ничего не придумаешь.

Придерживая бесчувственное тело Миртемира, Овез снова бросил коня в намет и осадил его около крайней, стоявшей на отлете от других усадьбы.

Долго стучался Овез и кулаком, и рукояткой плети в высокие арчевые ворота. Но ни один голос не отозвался со двора.

— Пусто,— удовлетворенно проговорил он.— Тут и пережду, пока кончится драка.

Он, не слезая с седла, надавил на ворота. Они открылись, но с таким ужасным скрипом, что даже привычный ко всему конь Овеза испуганно шарахнулся в сторону!

— Вот шайтан,— выругался Овез.— Орут, как ишак на утренней заре. Все му кишлаку рассказали, что кто-то домой пришел.

Во дворе усадьбы было пусто. Двери дома были широко распахнуты, а на веранде, у самых ступеней, лежал ворох одежды и одеял.

— Торопились уходить,— догадался Овез,— не все с собой взяли.

Овез внес бесчувственное тело мальчика в дом и уложил его на одну из кроватей. Медицинские познания басмача были невелики. Он ограничился тем, что протер лицо мальчика тряпкой, намоченной в холодной воде, снял с него халат и приложил к иссеченной плетью спине Миртемира ту же мокрую тряпку. Мальчик все еще был без чувств.

Убедившись, что больше он ничем не может помочь единственному свидетелю своего поворота на честный путь, Овез отправился во двор. Необходимо было позаботиться о собственной безопасности.

Первым делом Овез крепко запер ворота. Затем отвел под навес коня и положил перед ним целую кучу клевера, благо клевер был чужой и хозяин его отсутствовал. Покончив с этим, Овез обошел двор и все внимательно рассмотрел. Сорванный с амбара замок насторожил его. Хозяин отпер бы замок ключом, а не стал его ломать. Зачем он будет портить собственное добро? Замок определенно сорван, но двери амбара почему-то заперты на засов. Грабители так не делают. Зачем им запирают обворованный амбар? Кроме того, засов железный, его беззвучно не закроешь. Нет, тут определенно что-то не так. Овез прислушался. Ему показалось, что в амбаре кто-то возится. Сняв на всякий случай винтовку с плеча, Овез стукнул прикладом в дверь и спросил:

— Кто там?

В амбаре затихло. Овез был уверен, что в амбаре кто-то заперт. Ему даже показалось, что он слышит за дверью тяжелое дыхание человека.

— Кто там? — погромче окрикнул Овез.— Зачем молчишь? Отвечай!

— Выпусти меня отсюда, добрый человек, — донеслось из-за двери.

— Ты кто? — спросил Овез. — А ты кто?

— Я воин ислама,— по привычке ответил Овез.

— Воин ислама! — обрадованно завопил запертый в амбаре. — Так что же ты не открываешь? Выпускай меня скорее! Я тоже... воин ислама.

Встреча со своими бывшими товарищами не устраивала Овеза. Ведь он твердо решил уйти от басмачей. Нет, уж пусть этого воина ислама выпустит тот, кто его запирает. На всякий случай Овез подкатил и прислонил к двери валявшийся неподалеку тяжелый камень.

— Что ты делаешь? — послышался из-за двери умоляющий голос.— Выпусти.

— Не могу... — уклончиво ответил Овез. — Подожди немного... Скоро придут начальники!.. Они разберутся...

— Выпусти!

Но в этот момент Овез услышал то, что его сразу заставило забыть об амбаре и о запертом в нем человеке. Из долины доносился приближающийся с каждой секундой гул. Овез не спутал бы этот звук ни с каким другим. По каменистой дороге неслась конница. Овез кинулся к воротам, приоткрыл их и выглянул. Мимо ворот промчалась группа кавалеристов с обнаженными клинками. Овез не знал, что это был взвод Кольчугина. Но с тех пор, как стал басмачом, он больше всего боялся людей в синих фуражках.

А их здесь было много, очень много. Вслед за головным взводом к кишлаку

подходила такая сила конницы, что Овез испуганно захлопнул ворота, со всех ног бросился в дом. Его единственное спасение было в том мальчике, который сейчас без всяких признаков жизни лежал в доме.

— О, аллах! — шептал про себя Овез Берды. — Молю тебя сохранить жизнь маленького большевика, иначе эти шайтаны не поверят, что я, Овез, не причастен к его смерти. Молю тебя, аллах, верни поскорей ему жизнь. Все, что я заработаю за целый год, я все отдам в мечеть, только помоги мне.

Влетев в комнату, Овез почти поверил, что его мольба успела дойти до аллаха. Мальчишка уже не лежал, а сидел в постели.

— Аскеры! Кзыл аскеры (красноармейцы) пришли! — одновременно с испугом и радостью завопил Овез еще с порога.

— Пить! — простонал Миртемир.

Овез кинулся к ведру с водой. Разыскивая, в чем бы подать мальчишке воду, бывший басмач сокрушенно подумал, что поторопился, обещав аллаху весь годовой заработок. Мальчишка пришел в себя раньше, чем молитва успела дойти до аллаха. Хорошо, что это необдуманное обещание было произнесено не вслух, а только в мыслях, без свидетелей, и даже самый ученый мулла о нем никогда ни за что не догадается.

Жадно осушив большую кружку воды, Миртемир почувствовал себя значительно лучше и поднялся с кровати.

— Чего ты кричал? — спросил он Овеза,

— Кзыл аскеры пришли! Много! Много! — торопливо сообщил Овез.

Слабая улыбка появилась на губах Миртемира.

— Значит, Саша успел. Пойдем, — обратился он к Овезу, — пойдем, не бойся.

Но идти Миртемир не смог. Овез вынес его на руках за ворота. Конница уже миновала усадьбу, Миртемир увидел только последние ее ряды.

Отстав от колонны метров на двести, ехал Саша в сопровождении пожилого конника.

— Саша! — закричал Миртемир.

Саша обернулся, кубарем скатился с седла и побежал к Миртемиру.

— Ты жив, Мирка! — бросился он к нему и заплакал. — Ты жив! А мы-то думали...

— Почему ты не впереди, а здесь? — не замечая, что и сам он плачет, спросил Миртемир.

— Командир так приказал. Он не велел мне в бою участвовать, — признался Саша. — Он меня ругал за то, что я с Кольчугиным на Старый мазар ездил. Он сказал, что мы своё дело сделали. А это кто? — вдруг спросил он, указывая на Овеза Берды.

— Потом расскажу. Овез, бери коня. Поедем к нашим, может быть, успеем.

Овез побежал за своим конем.

* * *

Если вам доведется побывать в Узбекистане, обязательно съездите в кишлак Гюлистан. Он лежит в гордой долине, в самом верхнем ее конце. Впрочем, название Гюлистан сейчас мало кто помнит. Но любой ральчишка в этом районе вам расскажет, как проехать в колхоз «Бахор».

«Бахор» — по-узбекски «Весна». Вы познакомитесь с очень интересным человеком — председателем колхоза, героем труда Миртемиром Керимовым. Он вам расскажет о колхозных делах и угостит такими персиками и виноградом, каких вам нигде не удастся попробовать. Может быть, вы увидите в колхозе и начальника рудника, что открылся в горах недалеко от «Бахора», — Александра Ивановича Сибвякова. Он часто приезжает в гости к своему старому другу Миртемиру.

На колхозных бахчах вы можете встретить старого сторожа, которого мальчишки не очень любят за строгость, но зовут почтительно Овез Берды-ата. Старик словоохотлив и при случае любит похвастать:

— Подумать только, если бы не я, колхоз никогда не имел бы такого знаменитого

председателя. Во всех газетах его портреты печатают. Наш председатель, когда еще совсем маленьким был, все делал так, как Ленин наказывал. Уж я-то это хорошо знаю.